

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА ТЕНДРЯКОВА «ПОКУШЕНИЕ НА МИРАЖИ»

Рассматривается роман В. Тендрякова «Покушение на миражи», выявляются особенности трактовки в нем Проекта Христианизации и Проекта Коммунизма с учетом присущего им утопизма. Роман нацеливает избавляться от иллюзий при сохранении положительной составляющей данных проектов.

Ключевые слова: история, Христос, Кампанелла, электронное программирование, реальный гуманизм.

Развенчание сталинизма, осуждение массовых репрессий, предпринятое Н.С. Хрущевым, повлекло за собой переоценку ценностей, культивировавшихся в советском обществе. Вовлеченной в этот процесс оказалась и литература, как советская, так и диссидентская. В числе таких произведений – роман В. Тендрякова «Покушение на миражи». Для своего времени это произведение, подготовленное к печати в 1982 году, оказалось настолько смелым, что смогло увидеть свет только после смерти писателя – в «перестроечном» 1987 году. Роман не был обойден вниманием критики, но после распада СССР и возникшей необходимости нового исторического выбора звучал по-новому, нацеливая соотносить современность с многовековым историческим опытом и, основываясь на нем, просчитывать вперед возможные перспективы своих начинаний, как позитивные, так и негативные. Автор романа исследует вопрос: почему все-таки так и не воплотились за века существования человеческой цивилизации, во всяком случае, в полном объеме ценности христианства, почему столь уродливо воплощается в СССР проект коммунизма и будет ли он вообще когда-нибудь воплощен? А ведь это два, может быть, самых авторитетных проекта исторического развития, христианский и коммунистический, обещающие людям, каждый по-своему, торжество в мире блага; так почему же они не сбываются?

Писатель побуждает размышлять об этом героя-рассказчика, профессора Гребина. Приводятся его мысли:

«Наше время... Насколько известно, люди почти никогда не бывали довольны своим временем, с завистью вглядывались или в прошлое – мол, вот тогда-то была жизнь, не чета нынешней, золотой век, – или с надеждой в будущее.<...> Чтоб хоть как-то понять будущее, следует обратиться к прошлому, уловить в нем особенности развития»[5, с. 69], – считает Гребин. И поскольку он физик, связан с точными науками, прибегает и к помощи техники, компьютерно-электронного программирования. Заодно

производимый эксперимент должен помочь уточнить роль личности (великой личности) в истории. Значит ли она реально хоть что-то.

Сразу весь ход истории в программе охватить невозможно, и Гребин и его помощники решают избрать небольшой, но важный исторический отрезок, а важен он тем, что связан с появлением Христа, значит и его учения. На традиционные, религиозные представления об Иисусе Христе в машину заложен запрет – Гребин считает Христа реальным историческим лицом, и под таким углом зрения должна выдать сведения о нем компьютерная программа.

Следует «СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ» – то, что выдает алгоритм, и все подается в настоящем времени, с использованием стилизации библейского дискурса, хотя и отдельные античные источники и работы последующих веков цитируются. Искусно воссоздается исторический и национальный колорит:

«По земле Палестинской издавна бродили пророки, вещающие надежды, грозящие гибелью» [4, с. 61]. Одному из них, пророку из Иудеи Иоанну, тетрарх, то есть правитель Галилеи (наиболее населенной после Иудеи области Израиля) Ирод Антипа, только что отрубил голову, чтобы не вносил своими речами и предсказаниями смуту. А ныне пришел еще один пророк из Иудеи, родом же, однако, из Назарета. Этот город вошел в Палестине в поговорку: "Не жди из Кесарии привета, а путного из Назарета"» [5, с. 62], то есть у города – плохая слава, и пришедшему оттуда особенно трудно оказать влияние на людей. Смута и недовольство вызваны тем, что Иудея, как и Палестина, вошли в состав Римской империи, находятся под властью римского прокуратора, да вдобавок еще собственного тетрарха и Синедриона, и каждый из людей что-то тянет.

Воссоздается эпизод появления пророка из Иудеи в Капернауме. Приплыл он туда по Галилейскому морю вместе с учениками и, увидев на берегу братьев Ионовых – Симона и Андрея – позвал их с собой:

«– Идите со мной ... ловцами человеков сделаю вас» [5, с. 62].

Сам пророк у В. Тендрякова неказист на вид. Вот его портрет: «мал ростом, длинная одежда мешковато спадала с узких плеч и лицо худое, темное, с перекошенным носом, но красила его улыбка и взгляд черных блестящих глаз был прям и весел» [5, с. 62]. Приведенные приметы облика пророка периодически повторяются, закрепляясь в сознании читателей. Тем самым автор полемизирует с традицией изображения Христа как божественно-прекрасного, следуя канонам красоты, утвердившимся в европейском искусстве (например, у Тициана). В большей мере доверяет писатель свидетельствам античного философа-платоника Цельса и римского писателя-теолога Тертуллиана. Хотя один из них – противник христианства, другой – его неистовый сторонник, оба указывают на малый рост и некрасивое лицо пророка. Даже критиковавший Цельса Ориген

некрасивость(уродливость) Христа не отрицает, но доказывает, что важнее всего дух, возвышающийся над бранным телом. А если все обстояло так, значит признанному со временем Христом: «...приходилось преодолевать не только косность сознания своих слушателей, но и невыгодное впечатление, которое поначалу он у них вызывал» [4, с. 97]. Вместе с тем у В. Тендрякова явившийся пророк не стремится себя приукрасить какими-то атрибутами – приходит к людям таким, каков есть. Силой убеждения (слова) он преодолевает недоверие, приобретает последователей.

«– Кто ты? – непочтительно спросил Симон.

–Сын Человеческий» [4, с. 62].

Это мессианский титул, значит, пришедший считает себя мессией. Высказывание очень смелое, но чем-то надо еще это доказать. У явившегося, оказывается, есть и медицинские знания и опыт, и наложением рук пришелец избавляет тещу Симонову от головной боли. Видимо, это род гипноза. Неудивительно, что гость усажен за стол, когда посадил еще и подобранного по дороге мытаря Матфея-Левия. Автор как бы выражает точку зрения местных на последнего: «Нет презренней службы, чем мытарь – сборщик податей: бродячие псы, они охраняют Иродовы законы, нарушают Моисеевы – дерут мзду со всякого, степенного и богатого не пропускают, бедного не милуют» [5, с. 62].

И местный житель Капернаума Бен-Рувим, «человек благочестивейший и очень ученый, не переступив порога, укоризненно заговорил в распахнутую дверь:

«– Разве ты не знаешь – не сажат фиговое дерево среди лозы и злак среди осота? Что они родят тогда?

–Тебе не нравится, с кем я сижу? – спросил пророк.

–Зовешь себя Сыном Человеческим, а сидишь с грешниками и мытарями, ешь с ними хлеб, пьешь вино!

Сын Человеческий усмехнулся:

–Не здоровые имеют нужду во враче, а больные. Я пришел призвать не праведников, но грешников.

И не только сидящие за столом удивились, в толпе стоящей за спиной Бен-Рувима, раздалось:

–Авва!...» [5, с. 62].

Нужно отметить, что ни разу пришедший не назван у В. Тендрякова Христом – в романе он либо «пришелец», либо «назаретянин», либо «пророк», либо «учитель», либо «гость». Следовательно, это еще не тот Христос, образ которого представлен в Библии, а как бы его прототип или один из его прототипов. Выданный компьютерной программой пророк терпим к людям, уравновешен, уверен в себе, за словом в карман не лезет, и его высказывания не просто мудры и убедительны, а еще и образны,

афористичны и в дальнейшем попали в Библию, то есть их запомнили и воспроизвели.

Первоначальную славу, узнаем из романа, принесла ему Мария из Магдалы, которую он излечил от бесовства.

И все-таки Бен-Рувим не желает признать пришельца как нового пророка, так или иначе стремится с ним расправиться, может быть потому, что в словесном поединке потерпел поражение. И в конце субботнего дня, когда, как всегда, собрались в синагоге, он решил уличить пришельца, которого днем вместе с появившимися учениками видели в поле, и кое-кто из них походя срывал колоски. Между тем для сынов Израилевых существует заповедь: «А день седьмой – суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих» [5, с. 63]. Этот день для иудеев свят. И Бен-Рувим прицепился к пророку: якобы сорвать колосок – это тоже труд, а значит «грех перед благочестием» [5, с. 63]. Он провозглашает:

«– Всякий, кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти...» [5, с. 63] – и требует от пришельца признания, что тот совершил указанный грех.

Назаретянин встал и в нависшей тишине двинулся к кафедре. Шел он босиком – «невысокий, большеголовый, в тяжко обвисшем, собравшем пыль иудейских дорог плаще... Лицо пророка было спокойно и строго» [5, с. 63]. На задней скамье пристроился Маной, у которого плетью висела рука, по каким-то причинам омертвевшая, так что он не мог заниматься кожевенным ремеслом. «Назаретянин вызвал его на середину синагоги. И, обращаясь к людям, возгласил:

– Должно ли в субботу добро делать? Или зло делать?.. Вот он, видите?.. – указал на Маноя. – Спасти в субботу его или погубить?

Молчание в ответ, только настороженно скрипели синагогские скамьи.

– Суббота для человека или человек для субботы?..

Несмелая тишина.

– Руку! – Маною резко, окриком. – Протяни руку!

Бескостная рука Маноя шевельнулась и поднялась... <...>

– Посему Сын Человеческий есть господин субботы! – возвестил гость...» [5, с. 64].

Назаретянин посмел оспорить 4-ю священную заповедь Танаха иудеев, но при этом совершил чудо (воспринятое как чудо), сделал доброе дело, как и учит Господь. Не побоялся правоверных ортодоксов, обвинений в кошунстве, каноническую формулу сделал более христианской, что ли, – повернутой к человеку.

Себя отстоял, забросил в мозги людей новые мысли, но еще более настроил против себя недоброжелателя:

«Капернаум славил пророка, а Бен-Рувим был посрамлен. Женщины сходились к источнику с кувшинами и толковали о том, что Сын Человеческий – тот самый, кого выжидали евреи многие века. Он послан Иеговой вернуть величие дому Давидову...» [5, с. 64]. Так местные сплетни неученых женщин стали одной из предпосылок последующей мифологизации, включая выдумку, что пророк – будто бы из колена царя Давида, дает понять В. Тендряков.

Но настоящая схватка с радетелями иудаизма, изображаемого в романе, была еще впереди, когда Сын Человеческий отправился проповедовать в Вифсаиду – глухой галилейский городишко на окраине израильского мира, от других отрезанный горами и Иорданом и потому особенно крепко державшийся за веру, через нее как бы поддерживавший связь с остальными израильянами, не чувствуя себя уж совсем заброшенным, никому не нужным.

«Самый благочестивый в Вифсаиде – фарисей Садок, не похожий на всех других фарисеев, покрытых жиром и гордыней. Он жилистый, обгоревший на солнце, как головешка, ходит во вретище, ест что придется, не ищет себе ни выгоды, ни славы. Его боялись по всему побережью вплоть до суетной и спесивой Тивериады» [5, с. 64]. То есть это фанатик своей религии, полностью следующий ее постулатам и непримиримый к людям, хоть в чем-то отступающим от Танаха. В слух о новом пророке он не поверил, заранее окрестив Сына Человеческого лжепророком, вещающим от лица Господа.

Все жители Вифсаиды высыпали, однако, на берег поглядеть на того, о ком уже разошлись слухи. Сплоченная толпа встречает прибывших на лодке молчаливо, недружелюбно: ни одного возгласа не раздается, ни одного взмаха руки нет.

«– Учитель наш, – сказал Симон, – похоже, недоброе там затеяли.

Учитель из Назарета, сидевший на носу, оглянулся с блуждающей улыбкой. Он не боялся толпы, он верил в свою силу над ней» [5, с. 65].

Разрешили высадиться только называющему себя Сыном Человеческим. Ученики за него боятся. В сравнении с толпой их мало.

Назаретянин, однако, говорит:

«– Кто может спасти того, кто пришел спасать других?...» [5, с. 65].

Со всех сторон оказывается окруженным Сын Человеческий толпой, достаточно настороженной и враждебной: «Он дерзнул прийти к ним, позвать в вымечтанное царство, где нет несчастных, нет ни обидчиков, ни обиженных, но вот обложен со всех сторон, как опасный зверь» [5, с. 65]. Садоку толпа как бы предоставляет право судить.

Немало поражает собравшихся и самого Садока «спокойствие гостя – стоит в пустоте, маленький, нелепый, в тяжело обвисшей одежде, беззащитно жалкий, но глаз не прячет, затравленно не озирается и не храбрится вызывающе. Прост до оторопи, до смущения» [5, с. 66].

«– Правда ли, что ты говорил – послан от Бога?– начинает «допрос» Садок и слышит:

–Правда.

–<...> Кто из нас посмеет сказать людям: меня послал Бог?! Таким был один Моисей.

–Ты ошибаешься. Каждый из нас послан на землю Богом.

Толпа заворуженно замерла, а Садок озадаченно промолчал. Но он ничуть не смутился, он еще только прощупывал приезжего, не наносил удара. Теперь пришло время...» [5, с. 66].

Из-за высказывания: «Суббота для человека, и мы ее господа» [5, с. 66], Садок обвиняет пророка в попрании Закона и вседозволенности: что, дескать, хотим, то и творим. Сын Человеческий отвечает:

«– Если каждый примет в себя Бога, как тогда можно будет обидеть кого-то? В каждом человеке – Бог, каждого уважай, как Бога!» [5, с. 67].

Но малообразованные, фанатичные люди образного иносказания пророка не понимают. Оно же обозначает, что все заветы Бога человек должен нести в своей душе, реально жить по-божески. Толпа же, как видно из романа, думать, размышлять не умеет, все воспринимает буквально, подвижна в большей степени инстинктами. И от слов Сына Человеческого толпа ахнула, почувствовав себя оскорбленной за Бога: «впустить его, великого, в себя, ничтожных, – да как он смеет!» [5, с. 67].

Садок же, как бы выражая общее мнение, восклицает:

«– Слушай, Израиль!!! Он хочет, чтоб мы имели – сколько людей, столько и богов! Посрами язычников, Израиль! Откажись от единого Бога! Не сам ли сатана перед нами?!

–О-он!.. О-он!! Вельзевул!!! – Толпа закипела, ломая круг, стеная и давя друг друга.

И тряс над головой немощными кулаками Садок – судья, призванный народом:

–Спасай, Израиль, веру свою!!

–Сме-е-ерть!!! – режущий визг, захлебывающийся от счастья.

–Сме-е-ерть!! – громово отозвалась на него толпа» [5, с. 67].

Так в корне не понят был Сын Человеческий считавшими, что защищают свою веру.

Но, по положениям Танаха, нельзя было коснуться руками нечестивого – себя испоганишь. Поэтому пророка забивают насмерть бросаемыми в него камнями:

«Сын Человеческий упал...

...Он уже перестал шевелиться, а камни все еще летели в него. Камни отцов, камни матерей, камни детей... Садок тоже бросил свой камень. Никто не смей остаться в стороне!» [5, с. 67].

Считалось, что при такой казни виновников в убийстве человека нет: «Гнев народный – гнев Божий» [4, с. 67] – такова логика действий вифсаидцев, полагавших, что сделали доброе дело, защитили Бога и веру. Так бывает – люди убеждены, что творят добро, его попирая.

Все происходящее видели сидевшие в барже и так и не уплывшие ученики, «но не посмели заступиться. Их кучка, а расправлялся народ. В каждого вместе с ужасом прокрадывалось и сомнение – а праведным ли был их учитель, собиравшийся спасти других, но не спасший себя?» [5, с. 67].

Идилличности В. Тендряков избегает, не приукрашивает ни массу, ни учеников. Тем самым он подчеркивает, сколь новыми и дерзновенными для современников были слова пророка.

Заканчивается эта часть изображением наступившей ночи. Все разошлись по домам, на каменистом берегу остался лишь заброшенный камнями, изувеченный труп. Образ ночной тьмы – это и олицетворение тьмы в человеческих душах, когда, как бы руководствуясь лучшими побуждениями, люди творят зло.

Такую версию истории Сына Человеческого выдает у В. Тендрякова компьютерная программа: вероятнее всего, что выразитель Нового Завета между Богом и человеком был убит, уж слишком революционным для своего времени было его учение. Но он не успел еще стать тем Иисусом Христом, образ которого дан в Библии. У него еще нет Нагорной проповеди, постулата «возлюбить ближнего и врага своего», смерти на кресте и последующего воскресения. «Как много подвижников, не уставших доказать свое, ныне напрочь забыто!» [5, с. 68], – делает вывод обобщающего характера Гребин и провозглашает: «Слава тем, кто заражает род людской неисполнимыми желаниями!» [5, с. 79], задавая тем самым более гуманную перспективу развития человеческой цивилизации.

И все-таки образ библейского Христа, ставший каноническим, возник. Правда, со всевозможными напластованиями, прибавлениями, мифами и легендами. Христианским учением жадно интересовались, потому что после трагической смерти Христа в жизни обывателей как бы ничего не изменилось: по-прежнему вдоль дорог от селения к селению на десятки километров тянулись столбы с перекладинами, на которых были распяты рабы, и от их истлевающих трупов шел страшный смрад. По дороге шествовали римские легионеры, и все знали: где они появятся, прольется новая кровь, нагромолятся новые трупы. Физических сил противостоять имперскому Риму у покоренных народов не было, и многие тянулись к

утешительному учению, внушавшему философию любви и обещававшему будущее спасение, пусть и в «мире ином».

Но почему христианство зародилось именно в Иудее, бывшей в то время захудалой провинцией Римской империи? – задаются компьютерщики вместе с Гребиным вопросом. – Да именно по той причине, что Иудея находилась на окраине, в глухом углу, далеко от центра. Гребин рассуждает:

«– Рим не был бы эпицентром насилия, если б не создал внутри себя мощного механизма, охраняющего сложившийся насильнический порядок. Проповедники любви душились бы в Риме при первом же изданном ими звуке...» [5, с. 95], а Иудея все-таки была на «отшибе», не на глазах, и там было больше шансов возникнуть чему-то ненормативному, хотя и в религиозной оболочке.

Однако заложить основы нового учения должна была очень яркая, исключительная, выдающаяся человеческая личность, пусть и представленная в Евангелиях. Так как главным «оружием» Иисуса было слово, часто метафорическое слово, пробивающее корку равнодушия, доходящее до человеческих сердец, Гребиным высказывается предположение, что скорее всего, Иисус Христос был поэтом, а не строгим мыслителем.

Евангелия дошли до потомков на греческом языке, но специалистам было ясно, что Христос проповедовал не на греческом, а на арамейском языке. Еще в начале XX века английские библиисты «осуществили эксперимент по “обратному” переводу отдельных евангельских афоризмов на арамейский язык. Как пишет С.С. Аверинцев, “результат превзошел все ожидания: то, что выглядит по-гречески как проза с довольно тяжелым и не очень четким ритмом, зазвучало по-армейски как ритмические, энергичные стиховые присказки, щедро оснащенные аллитерациями, ассонансами и рифмами”» [4, с. 272]. На русский язык перевод евангелий сделан не с арамейского, поэтому поэтической основы текстов, приписываемых Христу, мы не чувствуем. Но предположение В. Тендрякова, что Христос (I) был поэтом, имеет под собой основу. Подтверждает это в «Покушении на миражи» и некоторая романтическая безоглядность Иисуса, видимо, часто «витавшего в облаках», в своих речах изрекшего то, что ему только что пришло в голову, «с такой беспечной безответственностью перед логикой» [5, с. 96]. А поэтам часто приходит в голову то одно, то отрицающее его другое, вообще они несколько оторваны от жизни, не могут без фантазии. Иначе трудно объяснить многочисленные противоречия в высказываниях Христа, которые содержат Евангелия. В «Покушении на миражи» они приводятся:

«В одном месте с покоряющей страстью призывать: “Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас!” В другом с той же страстью заявить прямо противоположное:

“Не думайте, что Я пришел принести мир на землю, не мир пришел Я принести, но меч”» [5, с. 96].

К тому же жена Гребина – Катя оценивает провозглашающуюся Христом любовь как условно-абстрактную, а не реальную – то-то мир переполнен ненавистью и враждой, тогда как «наиблизких» действительно могут любить и даже ради них убивать других. Так действовало и само христианство в эпоху инквизиции: любовью к Христу оправдывала смерть признанных «врагами своими». И это не просто искажение заповеди Христа. Сама заповедь представляется женщине не вполне исполнимой, нежизненной: «Не надо от человека требовать невозможного – люби всякого» [5, с. 102], значит, и любое чудовище; предполагается, люби условно-божественное начало, скрытое в нем; и если таковое отсутствует? никак себя не выявляет?

В приводимых спорах В. Тендряков ставит под сомнение основополагающий постулат христианства, представляющий собой, скорее, благое пожелание, и не ставший реальностью самой истории, в которой и страны, считавшие себя христианскими, обнажали друг против друга «меч».

Как безусловные воспринимаются Гребиним и его окружением и некоторые другие высказывания Христа.

Так, Христос не считает наличие ума исключительным достоинством человека – ум «мешает безоглядно предаваться вере и основанным на ней мечтам: “Блаженны нищие духом...”, и лучше всего “умалиться, как это дитя”» [5, с. 96]. Дитя, может быть, существо действительно чистое, но без взрослого, наделенного все-таки каким-то умом и жизненным опытом, скорее всего просто не выживет.

«По-детски наивный и доверчивый человек, по мнению Христа, не должен ни о чем задумываться, обременять себя никакими заботами. Чем поддержать свое существование? Каким способом добыть себе пропитание?... Христос разрешает с умильной простотой:

“Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело одежды? Взгляните на птиц небесных – они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец Ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?”

О последствиях такого прекраснодушного наставления Христос беспечно не думает» [5, с. 96], – делает вывод Гребин: переставшее сеять и жать человечество просто-напросто вымерло бы от голода. Даже нищий просит подаяние у людей – с Неба, от Отца Небесного ему ничего не падает.

Сам Христос, конечно, ведет аскетический образ жизни, скитается из селения в селение; а как быть тем, у кого маленькие дети, нуждающиеся в элементарном благоустройстве?

Христос, отмечает Гребин, «откровенно осуждает, тех, кто “служит Богу и мамоне”»: “Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели

богатому войти в Царство Божие”...» [5, с. 97]. Тем не менее Христос в восприятии Гребина «уклончиво наставляет: “Отдай кесарево кесарю, а Божее Богу”. Опять чисто поэтическая непоследовательность!» [5, с. 97]. Но в этом Гребина, не вполне вникшего в ситуацию, можно оспорить. В «Жизни Иисуса» Э. Ренана говорится следующее:

«Фарисеи постоянно стремились втянуть Иисуса въ политическія дѣла для того, чтобы затѣм обвинить его... Однажды подошла къ нему кучка фарисеевъ и такъназываемыхъ“Иродіанъ”... и съ невиннымъ видомъ спросила: “Учитель! мы знаемъ, что ты справедливъ, и истинно пути Божію учить, и не заботишься объ угожденіи кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итакъ скажи намъ, какъ тебѣ кажется: позволительно ли давать подать кесарю, или нѣтъ?”

Они ожидали отвѣта, который далъ бы имъ возможность отправить его к Пилату. ОтвѣтъИисусаудивителенъ. Онъвелѣлъ показать себѣ изображеніе на монетѣ и сказалъ: “отдайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу”. Глубоко-знаменательный отвѣтъ, рѣшившій судьбу христіанства! Отвѣтъ, свидѣтельствующій о возвышенномъ образѣ мыслей и въ то же время полный остроумія! Отвѣтъ, проводящій грань между земнымъ и небеснымъ! Отвѣтъ, основывающій истинный либерализмъ и истинную цивилизацію!» [3, с. 150].

Э. Ренан, скорее всего, имеет в виду секуляризацию – отделение церкви от государства, что со временем было и осуществлено.

"Противоречивость" Христа, вычитываемая из Евангелий, предполагает и сам Гребин, может иметь другую причину: в образе новозаветного Христа слились фигуры нескольких, по меньшей мере двух, проповедников христианства, взгляды которых отчасти отличались. Ведь тексты, «вошедшие в Новый Завет, создавались авторами, которые принадлежали к различным христианским общинам. С течением времени, однако, были отобраны 4 Евангелия, которые в наибольшей степени соответствовали определившимся к IV–V вв. основам христианской догматики» [4, с. 272].

Почти все считают второй фигурой в христианстве апостола Павла. Решают проверить примкнувшие к Гребину и эту версию, то есть не добавлены ли в образ Христа черты Павла. В романе появляется «СКАЗАНИЕ ТРЕТЬЕ. О Павле, не ведающем Христа».

Известно, что Павел, ранее Савл, сначала был яростным гонителем христианства, вообще всяких ересей, жестоко расправлялся с их носителями. «“Лучше убить одного, чтобы спасти весь народ!” – эти слова постоянно провозглашались в синагогине» [5, с. 112]. Савл так и действовал, причем совершенно убежденно. Сцены жутких расправ «жестоковейных» с христианами производят гнетущее впечатление, но Савл за расправы с иноверцами отмечен: «Богу угодно твое усердие» [5, с. 114] – и как особо доверенный отправлен «тайным соглядатаем» (шпионом) в Дамаск (Сирия),

где, по сведениям правителей Иудеи, «койкто утратил крепость веры» [5, с. 114], примкнув, как можно понять, к христианству. Все разведав, Савл должен был нанести по ним сокрушительный удар. Однако с ним произошло странно-необыкновенное происшествие: перед входом в Дамаск, согласно Деяниям Св. Апостолов, «внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь мне делать. И Господь *сказал* ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что надобно делать» (Деян 9:3–26). Но то ли от света с небес, то ли по другой причине Савл перестал видеть. И три дня был в слепоте. Господь же повелел своему ученику Ананию, жившему в Дамаске, сходить к Савлу и возложить на него руку, чтобы он прозрел. Тот напомнил, сколько зла Савл сделал христианам, но «Господь сказал ему: иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми» (Деян 9:15).

Освещая данный эпизод, в его трактовке В. Тендряков, однако, в большей степени основывается на работе «Святой Павел» Э. Ренана, согласно которому в Дамаск Савл шел через большую Дамасскую долину, и его глаза были воспалены; при переходе из палящей пустыни в прохладу городских садов, окружавших Дамаск, от перепада атмосферного давления случился удар, сопровождавшийся помутнением сознания и галлюцинациями, и когда Савл пришел в себя, то расценил произошедшее как «грозное божье остережение – не смей жить, как жил, творить, что творил, вступай на новый путь, который тебе открылся» [5, с. 116]. А полной противоположностью тому, что Савл делал, был путь Христа, и принявший имя Павел стал христианским подвижником.

При всем том, указывает В. Тендряков, последователь разительно не похож на избранного им своим духовным учителем: «Павел громко славит Христа и постоянно противоречит ему» [6, с. 89].

Если Христос особо не ценил ум в человеке, провозглашал: «Будьте как дети», Павел же взывает: «Братия! Не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» [6, с. 89]. В «Первом послании к коринфянам» Павел признается: «Когда я был младенцем, то по младенчески говорил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое» (1 Кор 13:11). «Детьми Христа» называет его последователей Павел в переносном смысле слова: Господь – их Отец духовный.

Далее: «Христос беспечно наставляет: “Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут... Итак, не заботьтесь и не говорите: “что нам есть?” или: “что пить?” или: “во что одеться?”... Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам”. А Павел и помыслить не может, что все приложится “само собой”, он настойчиво

призывает трудиться, именно ему приписываются знаменитые слова: “кто не трудится, тот не ест!” («кто не работает, тот не ест»)» [6, с. 89].

То есть в сравнении с поэтичным и несколько оторванным от жизни Христом, Павел более рационален, деловит, умен. Именно он сумел превратить христианство в достаточно широкое духовное движение, создать христианскую церковь – наднациональную («нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех...» (Рим 10:12)), стремился придать христианству характер мировой религии (что в конце концов и произошло), тогда как у Иисуса были лишь немногие последователи. Можно сказать, что, увлекшись христианством, своими проповедями Павел «сделал имя» Иисусу Христу.

Этот апостол систематизировал основные положения христианского учения, придав им четкость. А его послания предшествовали евангелиям. Поэтому, хотя черт личности Павла в каноническом образе Христа компьютерная программа не обнаруживает, становится ясно, что он оказал решающее влияние на мифологизацию, обожествление пророка из Назарета и внесение в евангелие определенных постулатов. К тому же Павел вполне мог считать, что малообразованные ученики не всегда понимали притчи Иисуса верно, и он поправлял не Христа, а его учеников.

Трудно признать Господом человека, с которым лично знаком, так как видишь не только его достоинства, но и слабости. Но Павел как раз с Христом никогда не встречался, и ему легче было поверить в божественную природу называвшего себя Спасителем. Апостол проповедовал в Дамаске, Иерусалиме, Палестине, на о. Кипр, в Македонии, Греции, на западе Испании, в других местах, в «Послании к Римлянам» сам подчеркивал: «благовествование Христа распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика» (Рим 15:19), и всегда утверждал: «Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса, дабы вот единодушно едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа» (Рим 15:5–6). Эти утверждения повторяются в «Послании к Римлянам» постоянно. Пошли же за Павлом, потому что он трактовал христианское учение как «благовестие о спасении и свободе». Спасение у него «осуществляется в духовном единении с Христом через доверие к Нему, веру в Него. Вера есть акт свободной воли. Вера не сводится к исполнению того или иного обрядового и этического регламента, она – “жизнь во Христе”, “подражание” Ему, мистический союз с Ним, делающий верных единым Телом Христовым» [1, с. 2177], – говорится в Комментариях к Библии брюссельского издания 1989 г. За это обещано обретение после смерти царства Божьего и райской жизни. «Последний же враг истребится – смерть...» (1 Кор 15:26), – говорится в «Первом послании к коринфянам».

Продолжение Павлом традиции Христа вникающие в ход истории персонажи романа В. Тендрякова видят в том, что он стремился усовершенствовать нравы, воздействовать на человека, а через изменившегося в лучшую сторону человека надеялся изменить в лучшую сторону и окружающий мир, социум. Так и любовь у Павла – не что иное, как «исполнение моральных законов» [6, с. 90]. Сквозной мотив посланий Павла – «побеждай зло добром» (Рим 12:21); на зло же злом не отвечай. Менять же существующую (рабовладельческую) систему он отнюдь не призывал, хотя и обронил: «Худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор 15:33), тем не менее вещал: «раб люби хозяина своего, хозяин, люби раба своего будь к нему милосерден» (см. более развернутое в «Послании к ефесянам»: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли или свободный. И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицеприятия» (Еф 6:5–9)). В общем, это идея классового мира, проповедь терпения, далеко по сути своей, не гуманная и в силу этого не жизнестойкая. Неудивительно, что работающие с «электронным оракулом» именуют Павла «путаником». Возникает и вопрос: «А зачем нужно судить человека, который так давно умер?» [6, с. 93]. Ответ таков: «Мы должны знать Павла, чтоб не походить на него в своих поступках» [6, с. 93].

При всем благородстве помыслов Павел односторонен и однолинеен. Но каждой научной победе предшествовало «исступленное мечтание», и это нужно ценить, продвигаясь вперед и не идеализируя предшественников.

Гребин замечает: «Парадоксально – для того чтобы учение жило, оно должно объединять в себе крайне несходные, противоречивые утверждения. Различие взглядов в массовом движении – явление обычное. Кому было выгодно верить Христу, тот продолжал верить. Кого Христос не устраивал – обращались к Павлу. А так как помимо несходства в учениях Христа и Павла существовали и общая непримиримость к жестокости, и общий мотив любви к ближнему, то это создавало впечатление единства. Резко несходные по образу жизни, взглядам, интересам люди, каждый цепляясь за наиболее приемлемое для него, вливались в общее течение, ширили его. И все же забитый раб вылавливал утешающее – “трудно богатому войти в Царство Небесное”, а владетельный господин тащил себе – “каждая власть от Бога”».

Как для дела Христа нужен был Павел, так и для дела Павла – Христос. Друг без друга они оказались бы всего-навсего временщиками, каких множество в истории, и почти все забыты» [6, с. 118].

Так объясняются противоречия в христианском учении, со временем породившие раскол на разные христианские церкви и секты.

Машину же запрограммировали на «развитие возникшего движения, а сохранить его с одним Павлом было невозможно» [6, с. 118], поэтому убитый Христос воскресает в компьютерной программе вновь, но уже в новом облике – не человеческом, а богочеловеческом, как его воспринимали составившие христианскую церковь.

Проповедь христианских постулатов не помешала утверждению инквизиции и благословению войн в виде крестовых походов. Клялись Христом, а вели себя не по-христиански. Единым мир христианское учение не сделало, в корне преобразить социальные порядки тоже не смогло. Для многих его роль свелась к роли утешения загробным воздаянием, хотя по-своему и стимулировало нравственное поведение. Христианские заповеди составили основу и светской морали.

Так как и апостол Павел, подобно Христу, оказал влияние на ход истории, Гребин и помогающие ему сотрудники обсуждают роль личности в истории вообще. Не все подчинено Провидению или так называемым историческим законам – свое влияние на ход истории могут оказывать и исторические личности, но, как правило, если их программы и действия созвучны назревшим потребностям больших масс людей. Однако определенное влияние на историческое развитие оказывают не только выдающиеся личности типа Христа и Павла, но и не выдающиеся, обычные, заурядные, и далеко не всегда такое влияние положительное. Это подтверждает моделирование изучающими историю с помощью компьютерной программы ситуации с рабовладельцем Статилием Аппием, на время подпавшим под влияние павлианца Лукаса. Желая быть более гуманным, Аппий освободил от надсмотрщиков и раздал участки земли рабам, обретшим благодаря этому большую степень свободы и самостоятельности, хотя часть урожая они должны были отдавать хозяину. Оказалось, что попавшие, казалось бы, в лучшие условия рабы работают очень плохо, гораздо хуже, чем под бичами и палками надсмотрщиков, так как привыкли ненавидеть подневольный труд (не случайно в русском языке слова «раб» и «работа» имеют общий корень); по разным же причинам не получившие землю (в основном, лентяи и бездельники), видя послабление порядков, взбунтовались и все, что могли, разгромили, причинив Аппию большой ущерб, так что, отринув христианские постулаты о «взаимной любви», хозяин подавляет бунт с помощью римских легионеров.

Теория и реальная жизнь – не то же самое, а когда жизнь заставляют существовать по нежизнеспособным искусственным правилам, толку не будет, заключают исследователи.

Недостаточность программы христианизации Гребин и его коллеги видят в том, что при всей ее, казалось бы, гуманности, она не ставит задачу

изменения социально-экономических основ человеческой цивилизации в гуманном же направлении, то есть создавая реальные предпосылки для нравственного улучшения человека.

Сотрудники Гребина обращают внимание на то, что не все зависит от индивида, даже желающего быть нравственным и одухотворенным: немаловажно, в каких условиях он живет, – может быть, невыносимых, и вести себя безнравственно (скажем, воровать или продавать свое тело) его побуждают обстоятельства. Значит, нужно стараться изменить и социум, делая его благоприятным для полноценного развития личности. На каких, однако, началах? Ведь подобные, уже не религиозные, а социальные проекты (а иногда соединяющие в себе то и другое) в истории тоже были.

«Из века в век, – говорится в романе, – эпизодически предлагались проекты идеальных общественных устройств, при которых должны отсутствовать насилие и вельможное тунеядство, побуждения для зависти и корыстолюбия, необузданная роскошь и унижительная нищета. Платон, Ян Гус, Томас Мор, Кампанелла – сколько таких благородных проектировщиков прошло по земле, не все получили широкую огласку. Скорей всего и у апостола Павла существовал свой проект, основанный на принципе “если кто не хочет трудиться, тот и не ешь”.

И ни один не принят жизнью. Отвергнуты все. Почему?»

[6, с. 128].

Чтобы разобраться в этом вопросе, Гребин и его сотрудники, опятьтаки обращаясь к компьютерной программе, осмыслиют проект утопического коммунизма, предложенный Томмазо Кампанеллой в диалоге «Город Солнца», написанном в тюрьме в 1602 году, где итальянский философ находился, преследуемый за свои взгляды инквизицией (попутно упоминается, что у него был предшественник – Томас Мор с его «Утопией»).

В кампанелловском Городе Солнца –

«коммунистическом государстве, о котором рассказывает зрителю гостиницы вернувшийся из плавания генуэзский мореход, нет частной собственности; нет праздных негодяев и тунеядцев; все трудятся; все всесторонне развиты – и физически, и умственно»; «художества, труды и работы распределяются между всеми; каждый получает по потребностям ... народ избирает правителей государства и т. д.» [2, с. 545]. В то же время Т. Кампанелла приписал коммунистическому обществу и некоторые отталкивающие черты – «такие, как власть своеобразной духовной аристократии – правителей-священников; мелочная регламентация быта; отсутствие семьи; черты уравнительности» [2, с. 545] и др., которые, возможно, были созвучны времени, когда жил философ, но в дальнейшем вызывали у последователей (не говоря уже о противниках) критику.

Гребин с помощниками и пытаются смоделировать, что́ было бы в жизни, если бы проект коммунизма, изложенный в «Городе Солнца» и нацеленный на изменение самого социума, реально осуществился.

Ясно, что предлагал Т. Кампанелла, как ему казалось, самое лучшее, — получилось же совсем не то. И В. Тендряков в романе как бы дает своему персонажу возможность узнать, что́.«СКАЗАНИЕ ПЯТОЕ» называется «Прощание с городом Осиянным».

Не секрет, что многие из прокладывавших новый путь, пострадали: Христа распяли, апостолу Павлу отрубили голову, Кампанелла 33 года провел в заточении, подвергаясь чудовищным пыткам. Самой страшной из них была велья — «человека в течение сорока часов постепенно насаживали на заостренный кол, который медленно входил в тело, рвал внутренности» [6, с. 129]. 34 часа длилась эта пытка — Томмазо выдержал: не выдержали, очень устав, палачи. Силу духа Т. Кампанеллы поддерживало сознание, что как мыслитель он еще не сказал главного: «О городе, который ему открылся» в претерпеваемых мучениях, о городе, «где нет несчастных, счастливы все!» [6, с. 129]. И в полубреду он мысленно «шел к своему заветному городу», «издалека видел его белые, одна над другой возвышающиеся стены, плавящийся на солнце купол... А перед городом зеленые поля и цветущие сады, в них с песнями работает народ в одинаковой одежде, с одинаково веселыми лицами. Население города работает все, только старость и болезнь освобождают от труда. И здесь нет ни своих полей, ни чужих — общие...» [6, с. 129]. Идею всеобщего труда Т. Кампанелла (изначально — образованный монах) скорее всего взял у апостола Павла, а идею «коммьюнити»(от «община») — общности людей, включая общую для всех собственность, скорее всего, у ессеев, одного из течений иудаизма, — и развил их до всеобщности, распространяющейся на все человечество.

«Окованные железом городские ворота подняты — входи каждый, кто несет в себе добрые чувства...

Внутри эти стены расписаны превосходной живописью — геометрические фигуры и карты разных земель, алфавиты стран и виды деревьев, трав, животных, минералов, портреты великих людей и орудия труда... Вдоль красочных стен ходят группами дети в сопровождении ученых старцев. Весь город, школа, дети, глядя на стены, играючи постигают науки. Невежественных в городе нет» [6, с. 129], — концентрируя главное в трактате Т. Кампанеллы, передает его В. Тендряков.

В центре города, на подъеме — величественный круглый храм. «Внутри он просторен и прохладен, освещен светом, падающим из отверстия купола. В алтаре два глобуса — Неба и Земли. И семь золотых лампад, знаменующих собой семь планет...» [6, с. 129]. То есть при сохранении внешней религиозной формы поэтизируются открытия науки, ее взгляд на мировую жизнь.

Каждому пришельцу в городе рады. Его встречают правители города: высший священник Сол, то есть Солнце, за ним три его помощника – Пон, Син и Мор, или иначе Мощь, Мудрость и Любовь. Эти имена олицетворяют ценности, царящие в городе Солнца.

Сол – не избран: таковым делается тот, кто выделился среди других наивысшей мудростью и знает все.

Главное в городе – общее благо. Потому даже мужчины и женщины сходятся не по личному выбору – «это вопрос государственной важности. Здесь издеваются над тем, что в других странах, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегают породой человеческой, – передает автор и этот аспект «диалога» Т. Кампанеллы: «Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же – с худыми, а худые с полными, дабы они хорошо и с пользой уравнивали друг друга» [6, с. 130], – все это тоже есть в трактате. Но люди Города Солнца так воспитаны, что им подобное не кажется странным, вообще нарушением свободы выбора, свободы личности. В изображении Т. Кампанеллы в городе царят мир, процветание, счастье.

Перед нами жанр утопии, и изображена утопия прекрасного коммунистического будущего.

Но, видимо, что-то тревожит Кампанеллу-персонажа, скорее всего – что может помешать мечте сбыться. Во всяком случае В. Тендряков приписывает Кампанелле незадолго до его смерти последнее путешествие в Город Солнца, более родной, чем родина.

Путь к городу знаком, но почему-то ранее тучные поля вытоптаны и заброшены, сады засохли:

«За воротами – стража, раньше ее не было» [6, с. 131]. Спрашивают:

«– Кой бес тебя гонит к нам?

– Пришел проститься... В последний раз.

– Раз пришел – иди, а проститься – шалишь! Пускать сюда дозволено, а выйти – нет.

И толкнули в спину...

Не успел даже оскорбиться, как бросилось в глаза... Казалось бы, пустое, не стоит внимания – просто трава густо пробилась сквозь камень на мостовой. Но такое, знал Кампанелла, бывает, когда по городу проходит чума или моровая язва!» [6, с. 131].

Взглянув на стену, Кампанелла видит, что она облезла, потрескалась, а главное – поперек нее – истлевший повешенный, лицо которого черно и безглазо.

Герой уже догадывается: что-то произошло, но спросить неугого: людей на улицах почти нет, и они жмутся к стенам домов, исчезают при приближении, словно сквозь землю проваливаются.

За четвертой стеной Кампанелла видит нищих, и это в Городе Солнца! Расспрашивает их, что за беда стряслась, и слышит:

«— Откуда ты взял, пришелец, что в нашем благословенном городе стряслась беда? — просипел один с красными вывернутыми веками и белыми, как отснятое молоко, глазами. — Мы радуемся жизни, славим бога за это» [6, с. 131].

Оказывается радоваться всем жителям приказано правителями города. А «нерадостные» висят по стенам повешенные.

«...— У вас что-то случилось. Что-то страшное. Прошла чума? Власть захватил тиран? Что?..<...>

— Вы слышали?! Вы слышали?.. Это сказал не я! Это сказал он! Вы все это подтвердите!» [6, с. 132].

И не успел Кампанелла дойти до храма, чтобы встретиться с правителями, как уже был взят под стражу и заточен в глубочайшей подвал. А ведь у себя в трактате философ допускал существование «согледатаев», которые доносят владыкам обо всем, что услышат. Но для этого государство должно поощрять доносчиков, и в изменившемся Городе Солнца данная норма действует.

В подвале тюрьмы, куда его втокнули, Кампанелла встречает бывшего правителя Сола, изувеченного, еле живого, и от него узнает, что произошло. Тот рассказывает, что пытались следовать обозначенным в «Городе Солнца» принципам, а они оказались нежизнеспособными.

Вот принцип: «Все, в чем нуждаются, они получают от общины...» [6, с. 134]. Но как обозначить «рубеж желаний» — люди всегда хотят большего. И исподволь зреет недовольство. Когда все получают все поровну, это тоже оказывается несправедливым: «Вдумайся, Томмазо: способный труженик, не жалеющий себя на работе, дает общине много, а рядом с ним другой по неумелости или по лени еле-еле пошевеливается, от него мало пользы. Но получали-то они одинаково необходимое — пищу, одежду, крышу над головой. Поставь себя на место добросовестного гражданина, надрывающегося на работе. Как ему не задуматься: я добываю, а за мой счет живет бездельник. И справедливо ли это, Томмазо?<...>

И вот наши лучшие труженики перестали надрываться, начали подравниваться под тех, кто работал из рук вон плохо» [6, с. 134]. Постепенно это привело к экономическому упадку, а город оказался переполнен бездельниками.

Власть, добиваясь порядка, потребовала сообщать о тех, кто плохо работал. И началась эпидемия доносов. Причем часто оговаривали именно тех, кто «старательно работал и своим трудом мог подвести бездельников» [6, с. 135]. Репрессии нарастали, а, чтобы обуздать недовольство, был издан приказ: не радующихся жизни в городе вешать.

Хотя Сол вынужден был этот приказ подписать под давлением охвативших город настроений, он публично не радовался, молчал, за что и попал в тюрьму. В оправдание говорит: «Мы-то живем по твоему слову, старательно выполняем все, что ты сказал, но теперь ты нам страшен, учитель»[6, с. 136]. От услышанного Кампанеллу поражает смерть.

Сол упрекал философа за то, что Томмазо упрощал жизнь, утопически-химерические желания подавал как вполне реализуемые. Получился же кошмар.

Таким образом, В. Тендряков избавляет от иллюзий, что справедливое социальное устройство автоматически создаст и совершенного человека — немало находится желающих процветать за счет других. Как и Христос, Кампанелла идеализировал человека. К тому же известно, что человек вообще более ценит то, чего достиг сам определенными усилиями, а блага, получаемые от социума бесплатно, — далеко не всегда, считая их само собой разумеющимися.

Да и идея равенства не должна выливаться в уравниловку — одно дело: признать всех равными перед законом, а вот за свой труд человек должен получать все-таки в соответствии с объемом и качеством выполненной работы — это более честно и справедливо.

Гасить недовольство репрессиями вместо изменения того, что «не работает», значит попирать гуманизм, создавать государство-чудовище. Поставленная прекрасная цель так и не будет достигнута.

«Сколько прошло по земле людей глубочайшего ума, поразительной проницательности, но как только они предлагали конкретно-наглядные картины идеального общества, так оказывалось — историческое развитие не совмещается с ними» [5, с. 137], — вынужден признать Гребин.

Хотя пишет В. Тендряков о прошлом, он наводит на мысли о современности и продолжавшем в СССР оставаться главной целью коммунизме. Правда, тот уже объявлен научным коммунизмом, но автор вызывает параллели между ним и утопическим коммунизмом, причем даже в области теоретической платформы, не говоря уже о практике. Вот, например, обещают, что при коммунизме каждый даст обществу по способности, а получит по потребности. Последнее трудно признать реальным: не исключено, что каждый захочет иметь то, что сегодня имеют миллиардеры, но на это всех ресурсов Земли не хватит. Необходимо уточнить и что имеется в виду под равенством: будет ли оно распространяться, например, на людей преклонного возраста, каковые во всем мире подвергаются сегодня дискриминации по возрастному признаку: часто без их собственного согласия по достижении пенсионного возраста их отправляют на пенсию, тогда как одно дело дать возможность сделать это, если человек того хочет, другое — принуждать к этому насильственно. Да и потом сомнительно, будут ли все люди работать на общее благо столь же

старательно, как на себя. И неизвестно, станет ли человек лучше, если социум изменится к лучшему. Оказывается, прямой зависимости между этими факторами нет, в чем Гребин убеждается на примере собственного сына Севы. У того были все условия для полноценной самореализации, а вырос эгоист, которому ни до кого другого, по большому счету, нет дела, Не говоря уже об общественном благе. Воспроизводится такой диалог:

«– Ты хочешь сказать, папа: следует отдавать себя безвозмездно стране, народу, грядущим потомкам?

–Тебе это совсем кажется диким?

–Старомодным.

–Прости. Отстал. Как же выглядит новая мода?

–Живи и жить давай другим, папа.

–Не такое это уж и новое.

–Но со времен моего деда – забытое.

–Навряд ли. Всегда хватало тех, кто старался жить тихой сапой.

–Вот-вот. Тихой, прячась. Потому что наши деды установили: не смей жить для себя, живи для будущего, для далеких потомков. Ну так я уже тот самый потомок, папа. А разве оттого, что мой дед себе во всем отказывал, мне жить стало лучше?.. Я и решил, папа, жить для себя...»[6, с. 119].

Сева Гребин прав в том, что в советском обществе с самого начала существовал перекося – пренебрежение личной жизнью человека; действительно ценным считалось служение обществу; оно и породило противоположный перекося – пренебрежение общей жизнью страны, ставку на индивидуализм, наплевательское отношение к происходящему. Следуя данному принципу, думая только лишь о себе, Сева в определенных обстоятельствах ведет себя подло: бросает женщину, у которой от него появился ребенок, не оказывает им никакой материальной помощи, подставляет Мишу Копылова, спасшего его от хулиганов, так что у того возникают проблемы с милицией.

Молодой помощник Гребина, Толя Зыков, резонно говорит:

«– Сытый человек необязательно должен быть добрей и отзывчивей. <...>Теперь многие страны живут сытно, но ни одна, Георгий Петрович, ни одна не может похвастаться, что нравственность стала выше. Напротив, сытые-то и стонут о падении нравов.<...> – Что ты хочешь сказать?

Толя вздыхает.

– Думается, вы и сами это хорошо понимаете, Георгий Петрович. Способ производства изменился, благоприятно изменился, а люди лучше относиться друг к другу не стали. Выходит, Пушкин и прочие страдавшие за народ поэты и моралисты правы – не в способе производства беда, а в самом

человеке сидит ущербность. Как ее выкорчевать? Проповедью “любим ближнего” не получается, стихами – тоже...» [6, с. 151].

Опять-таки проводится мысль: не надо идеализировать человека, рассчитывать, что он обязательно изменится к лучшему в лучших условиях. Но это не значит, считает Гребин, что не надо и нацеливать людей сообразовывать свою жизнь с жизнью других людей, общества в целом, тем более что и индивидуалисты пользуются определенными благами, каковые есть в обществе (скажем, бесплатной медицины, бесплатным образованием). Значит, у человечества двоякая задача: усовершенствование как социума, так и человека. Но утвердить благо на Земле никак не получается. К тому же научно-технический прогресс и ускорение темпа развития требуют жертв: «Стоит только пожалеть труженика, сократить убийственно-непосильный рабочий день, увеличить заработную плату – и... темп затормозился» [5, с. 138]. А «с темпом развития шутки плохи...» [5, с. 138] – замедление влечет отставание, экономический упадок и связанные с ним проблемы. С этим тоже надо как-то справляться.

Между тем Гребин замечает, что появляется все больше молодых акселератов, готовых признать, что людям нужен хлеб насущный, нужна нравственность, но «не способных поверить, что когда-нибудь не станет обиженных и униженных, обманщиков и корыстолюбцев, – противоречия неистребимы, рай земной такая же наивная выдумка для простаков, как и рай небесный» [6, с. 94]. Гребин затрудняется уяснить для самого себя: хорошо это или плохо. Вроде бы трезво мыслят, отринули иллюзии, но сама история при таком подходе лишается перспективы. Разочаровались в коммунизме? Считаете его утопией? Предложите что-то иное, лучшее, способное увлечь многих. Этого не наблюдается. Другими словами, при всей трезвости оценок положительной программы у критиков реального социализма и утопического коммунизма нет. Это-то и тревожит Гребина, так как утратившее перспективу общество неизбежно будет загнивать и деградировать. Каждый раз начинать с нуля, как показала история, накладно. Конечно же, от миражей и всякого рода перекосов нужно отказаться, но что дальше? какой путь избрать? Гребин сам точно не знает, но убежден: от позитивных тенденций в жизни социалистического общества отказываться неправомерно, в том числе – от чувства ответственности за происходящее, готовности протянуть руку помощи нуждающемуся. Персонаж это демонстрирует своим поведением. Вместе с женой Катей они забирают на воспитание внука (на что согласилась женщина, забеременевшая от Севы и оказавшаяся в тяжелых обстоятельствах). Делает Гребин и выбор в пользу своего ученика Миши Копылова, а не совершившего по отношению к нему безнравственный поступок Севы. В ситуации с милицией профессор лучше понял характер этого молодого человека, Миши: «он исключителен, от природы наделен редчайшим даром доброты, какого нет ни у меня, ни у моих

знакомых, быть может, только у Кати. Я считал его легкомысленным и несобранным – вертопрах, прости господи, – а он разбрасывался потому, что каждый встречный был для него не безразличен, каждому стремился помочь» [6, с. 163].

Значит, и в новом, молодом поколении есть не только Севы, а и Миши – люди совести, отзывчивости, благородства.

И хотя В. Тендряков так и не формулирует какую-то новую общественную программу, побуждая к размышлениям самих читателей, писатель подводит к мысли, что она должна быть антиутопической, сочетать интересы конкретного человека и общества, базироваться на реальном гуманизме.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. 4-е изд. – Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1989. – 2544 с.
2. Кампанелла, Т. [Энцикл. справка] // БСЭ. – М.: Госнаучиздат БСЭ: в 51 т. Т. 19, 1953. – С. 545–546. 3. Ренан, Э. Жизнь Иисуса: Репринт. изд. / Э. Ренан. – М.: Музыка, 1990. – 203 с. 4. Синило, Г.В. Евангелие / Г.В. Синило // Религии мира: Энцикл. словарь. – Минск: Книжный Дом, 2012. – С. 272–286.
5. Тендряков, В. Покушение на миражи / В. Тендряков // Новый мир. – 1987. – № 4. – С. 59–116.
6. Тендряков, В. Покушение на миражи / В. Тендряков // Новый мир. – 1987. – № 5. – С. 117–164.